

На правах рукописи

СМИРНОВА Екатерина Валерьевна

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВАТЫ:
СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень – 2007

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО "Тюменский государственный университет"

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Вараксин Леонид Анатольевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Попова Татьяна Витальевна

кандидат филологических наук, доцент
Казакова Татьяна Емельяновна

Ведущая организация: государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
"Курганский государственный университет"

Защита состоится "____" _____ 2007 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212274 09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 325

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО "Тюменский государственный университет"

Автореферат разослан "____" марта 2007 г.

*Ученый секретарь
диссертационного совета
д.филол.н.,
профессор*

С.М. Белякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проведенного исследования заключается в том, что оно отвечает ведущим тенденциям современной лингвистики, где приоритетным является функционально - семантический подход к анализу языковых фактов, предполагающий изучение того, как единица языка используется в речи. Субстантивация как языковой факт изучена достаточно полно, а потому именно речевая сторона данного явления до сих пор привлекает внимание лингвистов.

Особый интерес представляет анализ окказионально субстантивируемых языковых единиц в пределах творчества одного автора, поскольку на характер «приращённой» семантики влияют также и экстралингвистические факторы, то есть вся совокупность культурно- исторических знаний отдельного индивида – носителя языка. Неслучайным стал выбор писателя, на примере чьего творчества рассматривается функционирование окказиональных субстантиватов в художественном тексте. Литературное наследие Сигизмунда Кржижановского сравнительно недавно оказалось в поле зрения лингвистов, причём их число пока невелико. Среди этих работ нет систематических исследований в области языка писателя, хотя его творчество даёт уникальный материал для изучения семантического аспекта индивидуального авторского словотворчества вообще и окказиональной субстантивации в частности.

Объект исследования в данной работе – явление субстантивации в современном русском языке, **предмет** исследования – окказиональная субстантивация, а именно структурно - семантические особенности окказиональных субстантиватов, функционирование данных образований в текстах различных стилевых направлений и роль в построении индивидуально - авторской языковой картины мира (на примере произведений С.Д. Кржижановского).

Материалом для анализа послужили языковые единицы, извлечённые методом сплошной выборки из произведений прозаиков и поэтов 20 века, современных печатных средств массовой информации (газет, журналов), а также трех томов полного собрания сочинений С. Кржижановского. Всего проанализировано 507 языковых единиц.

Цель данного исследования – охарактеризовать окказиональную субстантивацию в структурном, семантическом и функциональном аспектах. Достижение цели предполагает решение следующих задач:

- 1) рассмотреть различные точки зрения на явления транспозиции и субстантивации;
- 2) определить основные различия между существующими видами субстантивации;
- 3) проанализировать возможные единицы окказиональной субстантивации, сделав наблюдения над их грамматическими, деривационными и семантическими особенностями;
- 4) охарактеризовать окказиональные субстантиваты как средство построения языковой картины мира автора (на примере произведений С. Кржижановского).

Методы исследования

В данной работе при анализе языкового материала были использованы такие общенаучные способы исследования, как наблюдение и эксперимент. Основной общенаучный метод анализа – описательный. Известно, что наиболее распространённый способ научного исследования – это наблюдение. Под лингвистическим наблюдением в свою очередь понимаются правила и техника выделения из текста (или потока речи) того или иного факта и включение его в изучаемую категорию (систему). Правила наблюдения касаются отбора фактов, установления их признаков, а также уточнения предмета наблюдения и описания наблюдаемого явления. Из методов систематизации языковых единиц на лексико – семантическом уровне использовались приемы традиционно – прагматического метода, описания по лексико – семантическим группам и метода семантического поля.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней подробному анализу подвергается массив языковых фактов окказиональной субстантивации с позиций грамматического, функционального и семантического аспектов. На основании полученных результатов в общей массе данных образований выделяются отдельные структурно - се-

мантические группы. Устанавливается базисная роль окказионально субстантивируемых единиц в построении индивидуально - авторской языковой картины мира.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы при подготовке спецкурсов, спецсеминаров по разделам морфологии и словообразования. Кроме того, выводы, сделанные нами в последней главе работы, позволяют наметить возможные пути изучения феномена личности автора художественных текстов сквозь призму использования им конкретных средств языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Окказиональной субстантивации может подвергаться любая единица языка – от фонымы до предложения.
2. При окказиональной субстантивации в пределах одного слова наблюдается наложение грамматических и семантических потенций различных частей речи.
3. Семантика окказиональных субстантиватов складывается из их первичного словарного значения и того контекста, в который они попадают. Ближайший контекст субстантивата должен представлять собой фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, в пределах которого она употреблена в своем прямом значении и новой функции.
4. Окказиональные субстантиваты можно объединить в группы на основании выражаемой ими обобщенной семантики.
5. Окказионально субстантивируемые единицы являются базисными для построения языковой картины мира Сигизмунда Кржижановского, представляя собой своеобразные лингвистические матрицы, используемые писателем для формирования единого текстового семантического пространства.

Апробация работы. Основные положения исследования обсуждались на кафедре русского языка ТюмГУ, всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы лингвистики» (Тюмень, 2003). По теме диссертации опубликовано 3 статьи.

Структура и объем работы.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения и Списка литературы (267 наименований). Общий объем диссертационного исследования составляет 156 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во Введении мотивируется выбор темы диссертационного исследования, кратко излагается история изучения вопроса в русской и частично зарубежной лингвистике с 18 века до наших дней. Формулируются цель, задачи, определяются теоретическая и практическая значимость работы, а также положения, выносимые автором на защиту.

Первая глава диссертации «**Явление субстантивации в русском языке**» посвящена историко – теоретическим основам исследования.

В параграфе 1 главе «**О понятии «субстантивация»: история изучения вопроса**» раскрывается сущность понятия «субстантивация» в историческом аспекте. Известно, что одним из первых на существование слов, употребляющихся как существительные, но имеющих нехарактерную для существительных морфемную структуру, указал ещё М.В. Ломоносов. Составители грамматик русского языка в XIX в. в большинстве своем недооценивали самостоятельный характер субстантивации, считая случаи употребления прилагательных без определяемых существительных частными, единичными. обстоятельно и полно вопрос происхождения, развития и употребления субстантивированных прилагательных впервые рассмотрел А.А. Потебня. Множественность случаев употребления прилагательных в субстантивной функции ученый мотивирует фактами истории языка. Следующим этапом в изучении вопросов субстантивации в русском языке явились работы А.А. Шахматова и А.М. Пешковского. Основоположниками теории транспозиции в зарубежной лингвистике считаются французские лингвисты Ш. Балли, Л. Теньер, А. Сеше, Л. Кледа. Практически одновременно с французскими языковедами на существование слов, имеющих двойственную частеречную природу, то есть подвергающихся синтаксической транспозиции, указал Е. Курилович. С середины XX в. субстантивация слов разных частей речи стала предметом многочисленных исследований. Внимание сле-

ученых привлекает и проблема субстантивации в широком понимании. Появляются работы, посвященные функционированию субстантивированных форм в художественных текстах (Ерастова Н.Ф., Иванова А.Н., Филиппова Л.С.).

Параграф 2 главы 1 «Транспозиция и субстантивация в ряду явлений переходности» посвящен описанию явлений транспозиции и субстантивации. Указывается на отсутствие единства терминологии в области явлений переходности. Переход слов из одной части речи в другую одни определяют как **транспозицию** (Бабайцева В.В., Гайсина Р.М., Гак В.Г., Дьячук И.В., Кизюкевич А.А., Ким О.М., Ремчукова Е.Н.), другие как **конверсию** (Дружинин Е.О., Кубрякова Е.С., Реформатский А.А., Суник О.П.), **деривацию** (Курилович Е.). Используются также термины **транскатегоризация** [Бортэ Л.В., Остапенко С.А.), **трансформация** (Голубева Н.П., Мигирин В.Н., Фетисова С.И.), **субституция** (Лукин М.Ф.).

В параграфе 3 главы 1 «Виды субстантивации» обозначены основные различия между узуальной и окказиональной субстантивацией, рассматривается вопрос о форманте субстантивации. Бесспорное отличие узуальной и окказиональной субстантивации касается частеречной характеристики субстантивирующихся языковых единиц. Накопленный материал позволяет сделать вывод о том, что в класс имён существительных могут переходить не только некоторые прилагательные, причастия, порядковые числительные, но и любая языковая единица – от фонемы до целого предложения. Естественно, что подобный перевод не закрепляется в языке, но эта черта характерна для всех окказиональных образований.

Окказионально субстантивируемое слово, в отличие от узуального субстантивата, как правило, встречается в контексте сначала в своей прямой номинации. Кроме того, окказиональные субстантиваты имеют некоторые ограничения в приобретении сущностных характеристик имени существительного. При окказиональной субстантивации несубстантивная единица приобретает грамматические категории, свойственные именам существительным – рода, числа, падежа. Но, в отличие от узуальных субстантиватов, окказио-

нально субстантивированное слово обладает этими категориями только в пределах определённого контекста.

Поскольку окказиональный субстантиват не перенимает целиком, а иногда и вообще, систему флексий мотивирующего слова, но характеризуется синтаксическими функциями, свойственными классу существительных, то формантом окказиональной субстантивации следует признать различие синтаксических позиций и грамматических значений мотивирующего и мотивированного.

Во второй главе исследования «**Окказиональная субстантивация: грамматический, деривационный и функционально-семантический аспекты**» раскрываются соответствующие характеристики окказиональных субстантиватов. Диапазон языковых единиц, подвергающихся окказиональной субстантивации, чрезвычайно широк. Это слова, принадлежащие к знаменательным или служебным частям речи, междометия, слова категории состояния, субстантивированные в контексте отдельные звуки, слоги, а также части слов, преимущественно приставки, словосочетания и предложения (в том числе и так называемые слова – предложения ДА и НЕТ). Такое разнообразие языкового материала даёт возможность для выделения среди общей массы окказиональных субстантиватов отдельных групп на основании формальных и семантических признаков.

Параграф 1 главы 2 посвящен анализу «Особенностей окказиональной субстантивации знаменательных частей речи». Из знаменательных частей в качестве окказиональных субстантиватов выступают наречия, личные формы глагола, местоимения, инфинитив, слова категории состояния; из служебных – союзы, предлоги и частицы.

Наиболее очевидным является разграничение контекстуальных субстантиватов по внешнему, чисто формальному признаку. Субстантивируясь, языковая единица либо сохраняет свою первичную форму, либо изменяет ее, приобретая парадигму окончаний имен существительных. Подобное разделение не несёт в себе никакой семантической нагрузки. Если окказионально субстантивированное слово сохраняет свою начальную форму, оно остаётся неизменяемым, независимо от того, изменяется оно в несубстантивиро-

ванном виде или нет. Гораздо разнообразнее окказиональные субстантиваты в семантическом отношении. Семантика данных языковых единиц складывается из их первичного значения и того контекста, в который они включаются. Контекст, достаточный для выявления семантики окказионального субстантивата, – это «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый для определения значения этой единицы, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [БЭС 2000:238], в пределах которого исходная единица употреблена в своем прямом значении и новой функции. Так за счет вновь приобретённых семантико - грамматических возможностей, а также предшествующего или последующего контекста происходит своеобразное расширение исходного лексического значения слова. Обратимся к группе субстантиватов, обозначающих **невидимый, умопостигаемый мир или неопределённое состояние**. В нее входят неопределённые местоимения **что-то, нечто**; отрицательные – **ничто, ничего**; указательное - **это**, а также наречия **никогда, никуда** и частица **то**.

Приведем первичные номинации данных слов из “Словаря русского языка” в 4 томах под редакцией А.П. Евгеньевой (Словарь русского языка, изд. 2-е и доп., М., Русский язык, 1981): “**Что-то** – некий неизвестно какой предмет, явление, нечто”; “**Нечто** – что – то , кое – что, имеющее некоторое значение”; “**Это** – 1. Указывает на предмет, находящийся вблизи кого, - чего – либо, ближайший в пространственном отношении по сравнению с другими. Указывает на отрезок времени, имеющий место в настоящем или непосредственно примыкающем к нему прошедшем или будущем времени. 2. Указывает на какой – либо предмет, выделяемый из ряда других. 3. Употребляется для указания на предмет, лицо, название в предшествующем повествовании. 4. *В значении сущ.* Употребляется для указания на действие, событие, о которых говорится в предшествующем или последующем предложениях”.

Прямое указание на семантику неизвестности находим в словарном значении местоимений “нечто” и “что-то”. А вот указательное местоимение “это”, субстантивируясь, приобретает новый для себя смысловой оттенок неопределенности. Как любое место-

имение, оно не называет предмет, а только указывает на него, за счет чего при субстантивации происходит актуализация названной выше семантики. При этом сохраняется и второе из возможных исходных значений слова – “указание на предмет, выделяемый из ряда других, обычно за счет не свойственных никаким другим предметам характеристик” [Словарь русского языка, т.4, 1982]. Таким образом, при окказиональной субстантивации к словарному толкованию языковой единицы добавляются новые оттенки значений: «*Как из глины, музыки и света сделать удивительное ЭТО*» (Л. Щипахина); «*И как один умрем в борьбе за «ЭТО». Страшное, анекдотичное «ЭТО», за которое умирают все как один*» (А. Адамович); «*И вместе со всем этим тревожило сердце ни на минуту не остывающее чувство ожидания чего-то неиспытанного и ужасного, что может сломать наши замыслы, испепелить самую жизнь. Это «что-то» двигалось неотвратимо*» (Л. Андреев); «*- У тебя что-то случилось, сыночек? Какая тебе помощь нужна? – Мама, у меня это «что-то» случилось девять лет назад*» (А. Маринина); «*Я никогда не узнаю этого «что-то»*» (М. Федосеенков).

Кроме того, при окказиональной субстантивации обязателен средний род препозитивного определителя. Скорее всего, это связано с тем, что, субстантивируясь, слова перестают выражать конкретное значение предмета, явления, состояния, а становятся выразителями некой обобщённой семантики: «*И он (Димов), сам уже обреченный, решал сегодня судьбу совсем чужого человека, и мучался, и мучается, запретной любовью к Оле, и решает, как жить дальше, а этого «дальше» уже и нет*» (Ф. Колунцев); «*Очень долго ждать, очень хочется сразу. Вот на этом «сразу», на человеческой жадности и сыграли*» (В. Строгальщиков); «*- Спасибо, Ольга Матвеевна. Обязательно приду. Мое «обязательно», как не раз бывало в командировке, оказалось пустым звуком*» (И. Васильев).

Окказиональные субстантиваты полифункциональны. Возможные сферы их употребления – тексты художественной литературы, разговорная речь, язык металингвистики и публицистики: «*У директора было такое выражение, будто ему всё давно надоело. Но не сегодня, а лет 20 назад. И с тех пор каждый день. Это было застарелое, хроническое «надоело»*» (В. Токарева); «*Ты что же, детка, сигнал светофора пропустил? – Ох, да!*

Желтый был... - Был... Такое «был» знаешь чем может обернуться?»; ««Видел» для него, как и следовало ожидать, означало «слышал»» (И. Полянская); «Знаю наверняка: из – за одного «надоело» расходятся редко» («Наше время», 19.6.1992); «В прошлом номере «Курьер» с большим чувством удовлетворения сообщил, что очередное городское «стреляли» попало, наконец, в милицейскую сводку» («Тюменский курьер», 07.09.1995).

Окказиональное употребление слов обусловлено стремлением к экспрессивности, достижению определенного стилистического эффекта и используется отдельными авторами в качестве оригинального стилистического приёма, поскольку традиционные лексические средств не во всех случаях удовлетворяет автора текста, для наиболее полного отражения мысли, чувства, уникальности речевой ситуации:

*«Когда **Упал**, ударившийся оземь,
восстал опять, как древний **Победил**,
за ним возникло маленькое **Тише**,
шепча своё опасное **сказать**.*

*Когда **Упал** в сиянии косматом
Повел Никто в загробное **Ура**,
За ним росло клубящееся **Тише**
Твердя своё отравленное **но**.*

*Когда **Упал** взлетел и, озарённый,
Ушёл один к небесному **темну**,
За ним стояло выросшее **Тише***

И лысых звёзд касалось головой» (А. Левин. «Торжественное произнести»).

При анализе языкового материала в параграфе 2 главы 2 «Особенности окказиональной субстантивации языковых единиц, не принадлежащих к знаменательным частям речи» нами были обнаружены случаи окказиональной субстантивации союзов **но**, **или**, **если**. Известно, что союз выполняет квалифицирующую функцию: он обозначает отношения между соединяемыми предложениями или их членами. Однако, будучи неотъемлемым элементом образуемой синтаксической конструкции, союз в то же время со-

храняет формальную автономность. На наш взгляд, это качество даёт ему возможность выступать в качестве окказионального субстантивата. Союз уже сам по себе характеризует те отношения, которые устанавливаются между соединяемыми частями конструкции. Окказиональные субстантиваты являются экономичным и выразительным средством для того, чтобы резюмировать смысл того или иного события. Особенно это касается союзов. Ведь при их субстантивации автор получает возможность в одном слове сконцентрировать смысл целого предложения, а порой и нескольких, не перегружая при этом текст излишними описаниями и пояснениями: «*Охотно согласился бы с такой трактовкой ситуации, если бы не некоторые «но»*» (Моск.Новости, 1993, №15); «*Возможно, он так бы и поступил, если бы не два «но»*» (О. Попцов); «*«Но» я в программу не поставлю, из твоего «но» в немца не выстрелишь, мне «но» не надо*» (В. Гроссман); «*Редакционная коллегия готова выпустить массовым тиражом мою книгу, но... Вот об этом «но» мы сейчас и поговорим*» (В. Войнович). Союз «или» в качестве окказионального субстантивата привносит в предложение значение **отрицания того, о чём может говориться в этой опущенной второй части высказывания**, что подтверждает следующее толкование этого союза: взаимоисключение и фактическая несовместимость, по мнению говорящего, утверждений, выраженных в первой и второй частях. «*- У меня сильно не забастуешь. Идёшь с нами или...- Какое может быть «или»*» (В. Высоцкий); «*Сейчас вопрос ставится так: работать нам вместе или... - «Или» быть не может*» (И. Герасимов); «*И всякому приходит час прощанья. И прощенья, если не проклятья... Или – или... Кто внушает нам это «или»? Страшно*» (Ю. Бондарев). Семантику «если» как субстантивата можно определить следующим образом: **выражение каких-либо условий, при которых затрудняется выполнение того, о чём говорится в предыдущем высказывании**. При окказиональной субстантивации союз «если» сохраняет своё основное значение условия: «*- Подъезжаю к окончанию занятий. Поднимаюсь за ней (Зойкой), забираю и увожу, но если...- «Если»- это будет моя забота, - сказал Родион задумчиво*» (А. Бушков); «*-Ну смотрите. Я иду на серьёзный риск. Если... - «Если» не случится, господин директор, вы застрахованы*» (В. Померанцев).

Анализ языкового материала показал, что достаточно часто окказиональной субстантивации подвергаются языковые единицы, не несущие определённой семантической нагрузки. Это междометия и звукоподражательные слова. При окказиональной субстантивации междометия и звукоподражания как бы вбирают в себя значение нескольких слов, что повышает лаконизм фразы, сообщая контексту новое стилистическое звучание. В качестве оригинального выразительного средства можно отметить окказиональный перевод в существительные отдельных букв, частей слова, словосочетаний, предложений. В субстантивной функции может выступать также целое предложение или его часть, наиболее значимая в данной коммуникативной ситуации. Использование подобных образований в качестве существительных поддерживается наличием при них определений, относящихся ко всему высказыванию, а также единой синтаксической функцией в предложении: *«Жене было очень страшно, но моё не очень настойчивое **«может уйти»** как не слышала»* (В. Токарева); *«- Просто я подумала, что, может быть, посоветоваться со специалистами по раскрутке художников. Может быть, есть какие-то особенности, которых ты не знаешь? Ты вкладываешь в Лару огромные деньги, но, может быть, ты вкладываешь их как-то не так? Не проходило и дня, чтобы Риттер хотя бы раз не подумал о том, как ему повезла с матерью. Чего стоит только это троекратно повторенное **«может быть»**. И всего в четырех фразах»* (А. Маринина); *«Когда мы вернулись из Рязани, Женя мне заливает: мол, командировка за рубеж, может, тебе привезут чего? Меня это **«привезут чего»** особенно из себя вывело»* (Н. Леонов); *«Внеся вместе с отцом чемоданы и решительно отвергнув материны **«колонка уже греется, возьми мыла, слышишь»**, я немедленно отправился к цели»* (А. Кабаков); *«Обе бабы вскочили на камни и давай лаять **«не имеете права»** и **«а где это написано»**»* (В. Аксенов); *«С этим **«я как врач»** она (Лизавета) Иру совершенно достала»* (А. Маринина); *«Все эти **«ну, а Вологда- это вона где»**, **«но я свою неправую правую не сменяю на правую левую»** или **«сам как пес бы так и рос в цепи ... Родники мои серебряные, золотые мои россыпи»** звучат у Высоцкого так естественно, будто все люди так говорят»* (В. Тростников).

В третьей главе, включающей в себя три параграфа, на примере творчества Сигизмунда Кржижановского окказиональная субстантивация рассматривается в качестве базисного средства для построения индивидуально – авторской языковой картины мира.

Параграф 1 главы 3 называется «Сигизмунд Кржижановский: личность как творец языковой картины мира». Считается, что субъектом окказиональной деривации «выступает конкретная языковая личность, характеризующаяся специфическими языковыми и креативными возможностями, особым видением мира, особым мировоззрением, эмоциональным фоном, речедетельностными механизмами» [Ляхович 2003: 95]. В нашей работе мы попытались определить окказиональные субстантиваты как языковую единицу, представляющую собой основу лингвистического коррелята духовного облика целостной личности автора. Мы, однако, не претендуем на создание целостной картины языковой личности С. Кржижановского, находя справедливым высказывание Ю. Н. Караулова о том, что «писатель выступает в своих произведениях не как единая, целостная языковая личность, а как множество говорящих и понимающих личностей» [Караулов 2004: 86]. При этом индивидуальный лексикон трактуется как некое единство речемыслительного времени – пространства, а единица лексикона включена в многочисленные пересекающиеся связи. Поэтому представляется актуальным изучить единицы ядра и периферии индивидуального лексикона и их взаимодействия. Предмет исследования данной работы – окказиональная субстантивация – является периферийной языковой единицей в индивидуальном лексиконе носителя языка и на периферии явления субстантивации в целом, где ядром будет субстантивация узуальная.

Исследователи творчества Кржижановского отмечают, что все его произведения, в силу присущего им сюжетного, образного, тематического, смыслового единства, образуют единый текст о едином мире «*Globus intellectualis* Сигизмунда Кржижановского» [Воробьева 2002:4], существующий по своим, в том числе и языковым законам и данный в каждом тексте автора. В.Н. Топоров справедливо замечает, что «пространство Кржижановского формируется на трёх уровнях – слов и той игры, в которую они вступают, эксплицитных описаний пространства и его образов и, наконец, той размытой стихии «про-

странственности», вовсе не обязательно связанной с пространством как таковым, но присутствующей и в описаниях времени, сознания, психических, физических состояний» [Топоров 1996: 500]. Нас в данной работе будет интересовать первый из выделенных В.Н. Топоровым уровней построения пространственно - временных отношений – уровень слов.

Параграф 2 главы 3 посвящен анализу «Роли окказиональных субстантиватов в формировании пространственно-временной парадигмы языковой картины мира Сигизмунда Кржижановского». С пространством у писателя особые отношения. Его пространство часто, вслед за ним самим, называют минус - пространством. Кржижановский был одновременно «и субъектом, и объектом этого иррационального минус – пространства. Он творил его по неким собственным «внутренним» матрицам, в которых природное неотделимо от культурного» [Топоров 1995: 476]. В этой связи можно предположить, что окказиональные субстантиваты являются в данном случае языковыми выразителями внутренних матриц, по которым строятся отношения автора с пространством. По ним создавался иной, выключенный из мира мир, где ценны лишь минус - истины, а вещь отброшена тенью. Это пространство одиночества, доживальное пространство, в котором жить нельзя, а можно лишь пустеть жизнью. При построении пространственно - временной парадигмы авторской языковой картины мира окказиональные субстантиваты служат для выражения основных лингвофилософских антиномий: бытия – небытия, пустоты – полноты, далекого – близкого, живого – мертвого, прошлого – будущего, своего - чужого, мнимого – подлинного. Кржижановский впервые сформулировал «философию условности». Это так называемая **«философия «Бы»** - мир «чистой предположительности, система мнимостей и усечённостей».

Основные амбивалентные категории пространства: живое – мёртвое, новое – старое. Эта семантика закреплена в окказиональных субстантиватах. Столкновение живого и мертвого, их взаимопроникновение, смешение и, в конечном итоге, поглощение мертвым живого – одна из излюбленных коллизий автора. Мгновенная взаимооборачиваемость жизни и смерти вызывает ощущение стирания границ между ними и ведет к образованию своеобразной переходной зоны, населенной фантастическими персонажами – полуживы-

ми – полумертвецами. Кроме того, окказиональные субстантиваты с пространственной семантикой могут быть выразителями оппозиции своё - чужое, далёкое - близкое. Это, как правило, случаи контекстуальной субстантивации наречий «здесь» и «там». Таким образом, контекстуальные субстантиваты «здесь» и «там» явно образуют некую оппозицию. «Там»- это некое далёкое, иное по отношению к человеку пространство, у которого нет чётких границ. Это мёртвое, чужое пространство небытия, заполненное людьми, которых уже нет [трусами]. «Здесь» - пространство, напротив, можно охарактеризовать как своё, близкое пространство. Но оно также разнородно и относительно, как «там» - пространство. И если это загадочное «там» одно для всех, то «здесь» - пространство для каждого своё, и каждый человек может замкнуться в своём «здесь»: *«Люди из здесь уже не могли скрывать своей неприязни к людям из там»*; *«Далёкое там, голубя с бумажных листов, звало всё громче: иди. Но мой стеклянный придаток крепко держался за здесь»*; *«Я был здесь, среди тех и одним из тех, за которых умирали. И трупы, если и возвращались из там в здесь, то тайно, чтобы не потревожить нас: тех, за кого должно умирать»*; *«Мне трудно было только смотреть. Я, здесь, притянутое там, не мог так больше»*; («Мост через Стикс»).

Но существует еще одно пространство, между «здесь» и «там» - пространство «меж», пространство шва, обозначающее «расщелину между каждым из нас и вселенской жизнью». В этом «меж» – человек человеку – призрак, а конечная пункт пребывания этих людей – призраков – «ускользающее куда». Это пространство не делится на внутреннее и наружное, здесь всё «в здесь», внутри: *«День – и черно. Отчего бы? И вдруг понял: земля втянута. Хотел было наружу. А после понял: да ведь наружа – то и нет»* («Чудаки»); *«Гулкими, обрывистыми словами они вспоминают вместе со мной об умерших днях: было – вновь и вновь – стучится в есть; и металлическим голосам тех, за стеной, вторя мириады и мириады иных»* («Размышление о панталыке»).

Для Кржижановского очень характерен приём материализации и антропоморфизации неких абстрактных явлений, состояний, выражаемых контекстуальными субстантиватами: народ **нетов и естей**, всемогущее **Ничто**, страна **Чуть- чутьей и Еле- елей**. Сюда

же можно отнести и случаи, когда, окказионально субстантивируясь, несубстантивные единицы трансформируются в имена собственные, становясь полноправными субъектами действия. Так в мире произведений Кржижановского появился **Авдруг, Некто, Идр., За-чемжить** а также господин **Soundso** и доктор **Derselbe**. Все эти окказиональные субстантиваты получают в текстах Кржижановского личные и поведенческие характеристики, присущие живому человеку. Интересно, что языковыми показателями пространства, где себя так настойчиво проявляет **бессубстанциальность** (мнимость, пустота), являются субстантивированные единицы, а значит, на первое место выходит признак субстанциальности и сама субстанция как таковая. Таким образом, очевиден основной парадокс языковой картины мира Кржижановского – парадокс смысла и выражающего его знака.

Таким образом, художественный мир С. Кржижановского представлен особым типом пространства – меняющего свои параметры от узко ограниченного кровеносного сосуда, зрочка, комнаты до максимально беспредельного, напрямую связанного с идеей движения. Это движение мысленное, оно осваивает пространство, дает возможность раздвинуть границы мира, попасть в возможные миры и миры философских построений не выходя из комнаты. Такое пространство связано с соответствующим ему «слиянным с ним» (М. Бахтин) образом времени – «прерывистым, дискретным, текущим в направлении небытия» [Моисеева 2002: 165]. Базисные единицы, выстраивающие временную парадигму языковой картины мира Кржижановского, – также окказиональные субстантиваты. У времени Кржижановского есть несколько основных характеристик: оно изначально нелинейно, разнородно, обратимо. Кроме того, оно разорвано («неплошное»), события не движутся от прошлого к настоящему и будущему, и сами эти понятия зачастую меняются местами. Кржижановский открыл «поперечник времени», который дал ему возможность проложить его «вторую колею». *«Время не линейно, это «анахронизм о хроносе» - оно имеет свой поперечник, известный потребителям времени под именем настоящего. Поскольку мы проектируем свое «**нипс**» поперек длительности, постольку меняя проекцию можно укладывать «**нипс**» вдоль длительностей» («Воспоминание о будущем»).*

Идея моделирования времени была для него **«над всем над»**: над обыденной жизнью, над войной, над историей, а *«скудная жизнь его соседей, которым не смотрелось дальше своего ем и есмь»*, слагалась из *«списков всяческих без»* («Воспоминание о будущем»). Автор называет их *«людьми без теперь»*, с *«настоящим, оставшимся где-то позади их, с проектированными волями, словами, похожими на тиканье часов, заведенных задолго до, с жизнями, смутными, как оттиск из-под десятого листа копирки»* («Воспоминание о будущем»). По Кржижановскому, время несколько запаздывает по отношению к пространству, они противонаправленны, их необходимо скоррелировать: *«Наука, некогда резко отделявшая время от пространства, в настоящее время соединяет их в некое единое Space – Time. Вся моя задача сводилась, в сущности, к тому, чтобы пройти по дефису, отделяющему еще Time от Space, по этому мосту, брошенному над бездной из тысячелетий в тысячелетия, примысливая к понятию времени признаки пространства»* («Воспоминание о будущем»).

Параграф 3 главы 3: «Филология я» Сигизмунда Кржижановского. Каждый автор- творец, он обладает личностной художественной картиной мира, той особой формой его видения, сквозь призму которой воспринимается действительность. Эта картина мира является синтезом опыта и знаний ее создателя. Основа художественной картины мира – художественный образ, а в центре стоит личность ее творца. В центре «филологии «я» - личность самого автора: «Помню, тогда я между делом занялся **филологией «я»**. У «я» изменчивый корень, но всегда короткая фонема» («Записные тетради»). А окказиональные субстантиваты выступают в качестве языковых матриц, с помощью которых выстраивается внутренняя сущность человеческого «я», стоящего в центре «филологии «я»», и обозначают состояния сознания личности в их статике и динамике. И мы видим личность, чье сознание расколото, не цельно, опустошено, перед нами «двойники» - «я» и «не-я», сознательная и бессознательная составляющие личности, а символ подобного разлома – щель. *«Человек – из творца и твари. Из «не-я» и «я»* («Квадрат Пегаса»); *«Мир расколот щелями на куски. Нет единой нити времени, бытие не непрерывно. Все эти книжные связанности моего завтра с моим вчера замещаются одной щелиной эти-*

кой... Меж щелей, сползавшихся к Старцу, была и та неистребимая щель меж «я» и «я» («Странствующее Странно»). Мир «я» - это бытие, мир «не-я» - это инобытие, некая данность, которая существует помимо воли человека. Причём то, что совершает «я», проецируется одновременно и на «не-я», а потому «Свершённое мной и я - в разных мирах», - пишет Кржижановский. «Машина для зажима болей, в сущности модель мира, придуманного Лейбницем, и стоит только ослабить винты, снять с «я» сложную сцепку охватывающих его вещей, и выпущенная из тисков боль снова разрастается» («Человек человеку призрак»); «Мое «я» не ждет, когда на него оглянется «не-я», - а само отворачивается от всяческих не» («Возвращение Мюнхгаузена»). Но, кроме опытов со своим «я», человек должен изучать и «я» других, иначе у него начнётся «психоррея» - истечение души, опустошение своего «я». Человек, боящийся жизни, бегущей от неё, замыкается в здесь - в вакууме небытия. Человек замыкается в «своём сплюсненном мирке, в котором всё было бы в здесь», он отказывается от «опытов дружбы, любви, от попытки выйти в своё «вне» и поиска чужого «я». «А что, если уж с «я» у меня сорвалось, что, если попробовать жить в дательном надежде. Но события, катастрофически быстро надвигавшиеся на нас, делали затею с «мне» несколько запоздалой» («Возвращение Мюнхгаузена»).

Окказиональные субстантиваты для Кржижановского – это своеобразные сгустки потенциальных смыслов вещей и явлений. Ю.Н. Караулов в работе «Русский язык и языковая личность» касается термина «язык мысли» – явления, «которое стоит между звуковой, внешней речью и специфическим языком мозга в процессах интеллектуальной деятельности и ее вербализации» [Караулов 2004: 184]. «Проблема состоит в том, чтобы исследовать стык между языком и речью, узнать, в какой форме зарождается у человека мысль и как она реализуется в речи» [Караулов 2004: 184]. Сигизмунд Кржижановский вербализует изначально невербальный процесс «нервных механизмов речеобразования» [Караулов 2004: 71] – процесс зарождения мысли, делая его предметом художественного описания. «Мысль родилась в тихое июльское послеполудня. Вокруг Мысли кружили садовые дорожки. Рождение Мысли произошло в тот самый миг, когда Мыслитель, от-

*считав тринадцать шагов, протянул руку к платку, но в этот – то миг и возникла мысль: «Звездное небо надо мною – моральный закон во мне»; «К «Цветов не рвать», «Травы не топтать» добавлялось «Чужих жен не любить», «В душу не плевать» и еще 2 -3 максимы. Кстати: все древние «не» были подперты «но» на всякий случай» («Жизнеописание одной мысли»). Но при этом у мысли автора – свои временные, а вернее, вневременные координаты. «Мысль моя отдергивается от фактов, и от **было**, и от **будет**: так хорошо отдыхать на абстракциях, на отрыве от всяческого **этого**» («Метафизика без бутерброда»).*

В **Заключении** суммируются и теоретически обобщаются основные выводы и результаты, полученные в ходе диссертационного исследования.

При разделении субстантиватов на **узуальные** и **окказиональные** необходимо учитывать не только грамматическую природу субстантивированного слова, но и его семантическую структуру. В узуальных субстантиватах на первый план выступает предметное значение, а в значениях окказионально субстантивированных единиц преобладает семантика исходной части речи. В пределах одного языкового знака происходит совмещение двух категориальных значений, которые становятся составными элементами значения нового слова – субстантивата. Такой гибридный характер семантики позволяет не только обозначить словом предмет мысли, но одновременно выделить у него определенные отличительные признаки, что усиливает семантическую насыщенность текста. Таким образом, при субстантивации происходит своеобразное сжатие мысли, “свертка” информации, которая при необходимости может быть развернута в словосочетание или предложение. При этом с узуальными субстантиватами наше языковое сознание связывает доминирующее референтное значение «носитель признака», вследствие чего они обычно стилистически нейтральны. В семантике же окказиональных субстантиватов определение преобладающего компонента бывает затруднено тем, что субстантивированная форма, получая категориальное значение предметности, занимая синтаксическую позицию существительного, обладает четко выраженным значением исходной части речи.

Результаты проведенного анализа функционирования окказиональных субстантиватов в произведениях С. Кржижановского позволяют наметить возможные пути изучения феномена личности автора художественных текстов сквозь призму использования им конкретных средств языка.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В
СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Смирнова Е.В. Окказиональные субстантиваты как средство языковой реализации категорий “пустоты” – “полноты”, “мнимости” – “подлинности” в рассказах С. Кржижановского // Вестник ТюмГУ, 2007 - №8 (0,5 п.л.).

Другие публикации:

1. Смирнова Е.В. Окказиональные субстантиваты с семантикой пространства в рассказах С. Кржижановского // Актуальные вопросы лингвистики. – Тюмень, 2003 (0,3 п.л.).
2. Смирнова Е.В. Окказиональные субстантиваты с семантикой пространства в рассказах С. Кржижановского «Странствующее Странно» и «Страна нетов» // Пространство и время в языке, язык в пространстве и времени. – Тюмень, 2005 (0,3 п.л.). С. 222-227.